

«Коммунитаризация» энергетической политики ЕС

Алексей В. Дрыночкин

МГИМО, Москва, Россия, drinda-hu@yandex.ru

Аннотация. Рассматриваются факторы, воздействующие на формирование энергополитики Евросоюза. Показана зависимость эволюции приоритетов энергополитики от постоянно сокращающегося объема предложения энергоресурсов на территории Европы. Вынужденная необходимость импорта энергоносителей для поддержания политически целесообразного экономического роста стран ЕС имеет негативные последствия в виде роста энергозависимости стран-членов. В свою очередь, это отражается в распространении идеологемы о безусловной потребности повышения координированности национальных энергетических политик стран-членов ЕС под контролем европейских наднациональных органов. Обосновывается вывод об усилении тенденции коммунитаризации энергетической политики ЕС (т. е. возрастания роли наднационального регулирования в этой сфере).

Ключевые слова: ЕС, энергетическая политика, добыча, энергозависимость, Еврокомиссия

Для цитирования: Дрыночкин А.В. «Коммунитаризация» энергетической политики ЕС // Вестник РГГУ. Серия «Экономика. Управление. Право». 2022. № 3. Ч. 2. С. 216–228. DOI: 10.28995/2073-6304-2022-3-216-228

“Communitarization” of the EU energy policy

Aleksei V. Drynochkin

Moscow, Russia, drinda-hu@yandex.ru

Abstract. The article considers factors influencing the formation of the energy policy of the European Union. It shows the dependence of the evolution of the energy policy priorities on the ever-decreasing supply of energy resources in Europe. The forced need to import energy resource for sustaining the politically expedient economic growth of the EU countries has negative consequences in the form of an increase in the energy dependence of the member countries. In turn, that is reflected in the spread of the ideologeme about the unconditional need to increase the coordination of the national energy policies

of the EU member states under the control of European supranational bodies. The author substantiates the conclusion about the strengthening of the trend towards communitarianization of the EU energy policy (that is, the growing role of supranational regulation in the area).

Keywords: EU, energy policy, production, energy dependence, European Commission

For citation: Drynochkin, A.V. (2022), "Communitarization of the EU energy policy", *RSUH/RGGU Bulletin, "Economy. Management. Law" Series*, no. 3, part 2, pp. 216-228, DOI: 10.28995/2073-6304-2022-3-216-228

Энергетическое обеспечение экономического роста в последнее время превратилось в один из главных факторов, воздействующих на развитие человечества. Поэтому энергетическая политика любого мало-мальски значимого игрока на глобальном энергорынке неизбежно привлекает внимание других акторов. Не является исключением и Евросоюз. Однако следует иметь в виду, что энергетическая политика является производной от так называемого энергетического ландшафта (термин заимствован у [Старкин и др. 2022]), который в свою очередь описывается с помощью совокупности географических, технических, экономических и политических характеристик. Учитывая наличие большого пласта работ по тематике энергетической политики ЕС, в настоящей работе акцент делается на изучении физической обеспеченности энергоресурсами, уровня энергозависимости и оценке тренда энергетической политики ЕС.

Физическая обеспеченность энергоресурсами

Обеспеченность ЕС (Европы¹) энергоресурсами в настоящее время находится на низком уровне. Обычно этот тезис звучит так:

...как известно, страны Европейского Союза не располагают необходимым количеством энергетических ресурсов для удовлетворения собственной потребности в энергоресурсах [Нурматова и др. 2015].

¹ В настоящей работе к Европе относятся европейские страны, участники ЕС и ЕАСТ, а также остальные балканские страны. Не учитываются Украина, Молдова, Беларусь и Турция.

Конечно, так было не всегда, но за очень короткий исторический период энергообеспеченность ЕС (Европы) так называемыми традиционными энергоносителями стала настолько слабой, что информация об этом подается как общеизвестный факт, даже не требующий никаких доказательств и ссылок на авторитеты.

Это не значит, что традиционные энергоносители полностью исчезли с территории ЕС (Европы). Рассмотрим ситуацию с углеводородами.

Уголь². В Европе насчитывается более 50 угледобывающих регионов, расположенных в 17 странах. По данным компании «Бритиш Петролеум», доказанные запасы угля в европейских странах на 2020 г. составляли 8,5% от мировых (для стран ЕС – 7,3%). Самые крупные запасы имеются в Германии и Польше (примерно 70% всех европейских запасов), а также в Сербии и Чехии (около 12%)³. Правда, необходимо иметь в виду, что запасы более качественного каменного угля в Европе примерно в 2,5 раза меньше запасов менее теплотворного бурого угля, да к тому же 85% сосредоточено в одной лишь Польше (а в Германии вообще их уже нет).

Европа в 2020 г. обеспечила 2,81% мировой добычи (ЕС – 2,78%), что выглядит очень скромно, особенно в сравнении с прежними годами – например, даже в не таком далеком 2013 г. доля была 6,9%. Объясняется это резким сокращением объемов добычи: среднегодовые темпы роста за 2009–2019 гг. составили – 4%, что является абсолютным рекордом в мировом масштабе. Нечто похожее (–3,9%) наблюдается только в Северной Америке; все остальные континенты демонстрируют положительные темпы среднегодового роста. Если в 2013 г. в более-менее значимых объемах уголь (неважно – каменный или бурый) в пределах Европы добывали 17 стран (из них 13 членов ЕС), то в 2020 г. в статистически фиксируемых объемах уголь добывался уже только в 11 странах (семь стран ЕС и четыре балканских страны⁴). В настоящее время есть страны, где добыча угля

² Уголь относится к углеводородам, поскольку помимо высокого содержания углерода (в антрацитах – порядка 94%) также имеет небольшой процент водорода.

³ BP Statistical Review of World Energy 2021, 70th edition [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bp.com/content/dam/bp/business-sites/en/global/corporate/pdfs/energy-economics/statistical-review/bp-stats-review-2021-full-report.pdf> (дата обращения 12 марта 2022).

⁴ Соответственно, Германия, Польша, Чехия, Румыния, Греция, Болгария и Венгрия, а также Сербия, Косово, БиГ и Сев. Македония.

полностью прекращена, даже несмотря на имеющиеся запасы (в частности Австрия, Бельгия и Швеция).

Главными факторами сокращения добычи являются следующие:

- снижающаяся рентабельность. Неслучайно во многих европейских странах угледобыча дотируется. По мнению академика Е.П. Велихова,

...первичный энергоисточник... не будет востребован обществом, если затраты на его добычу будут превышать... 10% от ВВП [Велихов 2011].

- экологические ограничения. В 2030 г. ЕС должен полностью отказаться от угля, хотя имеется значительное количество проектов по развитию новых шахт или расширению существующих.

Нефть. Начиная с железного века и до середины XIX в. использование нефти в Европе было ограничено, и нефть добывалась полуремесленными способами почти исключительно из поверхностных просачиваний и горных выработок. Первые коммерческие нефтяные скважины в Европе стали вручную рыть в 50-х гг. XIX в.⁵, прежде чем в начале 1860-х гг. началось постепенное внедрение механических буровых установок [Craig et al. 2018]. Внедрение новых технологий как в добычу, так и в переработку нефти постепенно привело к тому, что нефть стала доминировать на европейском рынке и как источник энергии, и как источник промышленного сырья. Открытие огромных запасов нефти и газа на шельфе Северного моря в 1960-х и 1970-х гг. позволило странам, имевшим выход к Северному морю (Великобритании, Норвегии, Дании и Нидерландам), в значительной степени обеспечить себя нефтью и газом. Но после истощения в начале 2000-х гг. найденных нефтегазоносных участков добыча начала быстро снижаться и в настоящее время в большинстве европейских стран находится на историческом минимуме. Правда, разведка новых источников как традиционной, так и нетрадиционной нефти и газа в Европе продолжается, но этому все больше препятствует зрелость многих традиционных месторождений нефти и газа.

В настоящее время страны Европы имеют небольшие запасы нефти (0,76% от мировых доказанных запасов), из них 84% приходятся на страны, не являющиеся членами ЕС – Норвегию, Великобританию (а если добавить еще и Албанию, то и все 85%). Из

⁵ В Польше в 1853 г., Румынии в 1857 г., Германии в 1859 г. и Италии в 1860 г.

стран ЕС относительно маленькими запасами обладают Румыния, Италия, Нидерланды, Германия и Испания.

К сожалению, автор не располагает данными об объемах добычи в 70-е и 80-е гг. (т. е. когда активно эксплуатировались месторождения Северного моря), но в течение доступного для анализа периода – с 1990 по 2020 г. – пик добычи пришелся на начало 2000-х гг., а текущий минимум отмечен в 2020 г. в связи с влиянием пандемического падения спроса и временного заполнения нефтехранилищ в некоторых странах.

Природный газ. В Европе имеется 1,7% мировых доказанных запасов газа, из которых большинство (по разным оценкам – от 60 до 90%) приходится на Норвегию и Великобританию. Из стран ЕС более-менее приличными запасами выделяются Нидерланды, Польша, Румыния, а также Германия и Дания.

В области добычи природного газа на страны Европы в 2020 г. приходилось 5,7% мировой добычи, в том числе на страны ЕС – 1,3%. Почти 70% европейской добычи газа обеспечивают Норвегия и Великобритания (соответственно 51 и 18%). Из оставшихся 30% большую половину обеспечивают пять стран-членов ЕС – Нидерланды (в 2020 г. – 24 млрд кубометров газа против 33,7 млрд кубометров в 2019 г.; Румыния (соответственно 9 и 10 млрд кубометров в 2020 и 2010 гг.); Германия (соответственно 4,9 и 5,7 млрд кубометров), а также Польша и Италия (по 3,9 млрд кубометров).

В целом достаточно очевидно, что по имеющимся традиционным видам энергоносителей Европа (ЕС) выглядит аутсайдером. ЕС производит только 4,1% общемирового объема энергии [Шуранова, Петрунин 2022].

Поскольку Европа (ЕС) не намерена отказываться от высокого уровня жизни и развитой экономики, а это требует большого количества энергии, то перед европейскими странами встают проблемы снижения своей энергозависимости от импорта и, естественно, поиска новых источников энергии.

Энергозависимость

За 1990–2020 гг. энергетическая зависимость ЕС-27 увеличилась с 50 до 57,5%⁶. Это означает, что за эти три десятилетия члены ЕС в целом стали больше зависеть от импорта энергии. При этом

⁶ Рассчитывается как отношение нетто-импорта к валовой доступной энергии. Показывает долю энергии, которую экономика должна импортировать.

пики энергозависимости наблюдались в 2008 и 2019 гг. (соответственно 58,4 и 60,5%).

Две страны ЕС в определенные годы имели отрицательный показатель зависимости, т. е. были нетто-экспортерами: Дания (1999–2013 гг.) и Великобритания (1993–2003 гг.). Из других европейских стран в указанный период мощную отрицательную зависимость имела Норвегия (от минус 400 до минус 800%!), а также Албания (1991–1992 гг.), но последняя не играет определяющей роли в европейской энергетике.

Кстати, по уровню энергозависимости хорошо заметна поляризация малых стран: показатель либо стабильно близкий к 100% (Мальта, Кипр, Люксембург), либо стабильно снижающийся до 5–15% (Эстония, Исландия). Последнее явление наиболее вероятным образом объясняется отсутствием необходимости в импорте энергоносителей либо в силу деградации экономики, либо вследствие реализации мер по повышению энергоэффективности.

Показатели, дифференцированные по типам энергоносителей, также демонстрируют повышательную динамику, но разной скорости.

Например, энергозависимость стран Европы (ЕС) по углю в течение 1990–2019 гг. возрастала с 18 до 43%, но в 2020 г. отмечено снижение до 35%. Две страны ЕС – Чехия и Польша – до 2016–2017 гг. были нетто-экспортерами (т. е. характеризовались отрицательной энергозависимостью по углю). Также хорошо чувствуют себя Балканские страны, поскольку добываемого в этих странах угля достаточно для их небольших экономик.

Линия Евросоюза на отказ от угля и прочих видов топлива, оказывающих негативное влияние на окружающую среду, повлияла на рост энергозависимости по нефти и природному газу. Так, и без того высокая энергозависимость по нефти (в 1990 г. – 93%) к 2020 г. выросла до 96%, по газу произошло увеличение с 48–50 до 85–90%. В страновом размере исключением является Норвегия, но большинство членов ЕС «в значительной степени» (т. е. при показателе более 65%) зависят от импорта газа, и только три страны (Румыния, Дания, Нидерланды) к 2020 г. имеют показатель менее 50%.

Попытки избавиться от энергозависимости

Очевидно, что каждая страна Европы (ЕС) не испытывает радости от высокого уровня энергозависимости и пытается в меру своих возможностей решить эту проблему. Аналогичные чувства, видимо, испытывают и еврократы⁷, которые уже со сво-

⁷ Еврократ – контаминация слов «европейские» и «бюрократы».

ей наднациональной колокольни предлагают свое видение. Но мотивация у них, видимо, различается. В первом случае власти страны опираются преимущественно на государственные интересы, на комбинацию интересов национальных экономических агентов, во втором случае – исходя из принципов теории организации⁸ – речь может идти о стремлении к увеличению располагаемой власти, более-менее удачно маскируемой под удовлетворение интересов всех стран-членов ЕС. По мнению автора, стратегическая линия еврократов состоит в увеличении степени «коммунитаризации» энергетической политики! Иными словами, у еврократов недостаточно рычагов воздействия на энергополитику стран-членов. Но поскольку в соответствии с правовыми актами Евросоюза ключевые составляющие энергополитики долгое время оставались в исключительной компетенции стран-членов (т. е. энергетическая политика не была коммунитаризована, не была объектом наднационального регулирования), то необходимо было как-то изменить эту ситуацию.

Некоторые авторы считают, что

...наднациональным органам ЕС долгое время не удавалось подступиться к этому направлению. До 2009 г. вопрос полномочий в области энергетики не фигурировал ни в одном документе первичного права ЕС, за исключением документов Европейского сообщества угля и стали. Впервые затронуть вопросы энергетики удалось лишь в Лиссабонском договоре (2007) [Юдина 2021].

Вероятно, такие утверждения несколько безапелляционны, поскольку имеются другие работы, где достаточно подробно освещается процесс становления наднациональной энергетической политики ЕС (например, [Деденкулов 2015]). Но ретроспективное изучение данного вопроса не является предметом настоящей работы.

Осмелюсь предположить, что происходящая ныне «коммунитаризация» энергетической политики ЕС в значительной мере (или даже более жестко – «исключительно») вызвана действием субъективных факторов и мотивов, нежели объективными процессами.

Чтобы быть правильно понятым, хотелось бы вернуться к классическим трактовкам категорий объективного и субъектив-

⁸ Например, изложенных в законах Паркинсона, законах Мёрфи, принципах Питера, а также в других, более научных работах (в частности, [Дроненко 2004]).

ного: «объективное» есть то, что происходит без вмешательства человека, помимо его воли, а «субъективное» есть отражение объективного мира в ощущениях, восприятии, представлениях, чувствах, понятиях, образах (т. е. в сознании человека).

Рассмотрим аргументы, выдвигаемые еврократами для обоснования коммунитаризации энергополитики. В частности наиболее употребительными стали следующие:

- необходимость повышения энергетической безопасности вследствие явного уменьшения объема имеющихся в Европе традиционных энергоносителей и роста импорта энергоносителей и энергии;
- улучшение общесовских макроэкономических показателей в случае повышения скоординированности действий стран-членов в области энергополитики;
- замена углеводородов на что-то другое (декарбонизация экономики с помощью возобновляемых источников энергии – ВИЭ).

Представляется, что их все трудно отнести к объективным предпосылкам.

Так, сокращение объема доступных энергоносителей на территории Европы, выглядящее как объективная реальность, фактически имеет субъективную подоплеку, связанную с сознательным исчерпанием месторождений в прежние годы; рост импорта энергоносителей – никак не объективная реальность, а следствие политики «энергонесбережения» (т. е. субъектно осуществляемой деятельности); общесовские макропоказатели могут улучшаться не сами по себе, а в результате координации стран-членов (опять-таки, субъектно осуществляемой деятельности); декарбонизация является следствием субъектно сформулированных представлений о будущем, но не объективным процессом. Если сюда добавить и такой аргумент, как необходимость углубления европейской интеграции, то и она является субъектно направляемым процессом. Нельзя забывать и о личных амбициях высокопоставленных еврократов, мечтающих о лаврах «спасителей Европы» или о доказательствах собственной незаменимости.

Многочисленные публикации подтверждают длительный процесс коммунитаризации энергетической политики ЕС (например, [Кавешников 2015; Деденкулов 2015; Боровский, Шишкина 2021]). Но если в начале этого процесса стратегические цели были неясно сформулированы, то сейчас они уже имеют четкие контуры с перспективой превратиться в догматы в недалеком будущем.

В целом формируется ощущение, что развитие Европы (Евросоюза) все больше превращается в принудительную реализа-

цию умозрительных конструкций, созданных в сознании представителей европейской научной и политической общественности и оправдываемых якобы непогрешимостью положенных в основу этих конструкций исходных постулатов и расчетов.

В контексте коммунитаризации энергетической политики еврократы опираются, по сути, на два сопряженных направления: проблема обеспеченности ЕС энергоресурсами и достижение достичь глобального лидерства в реализации климатической повестки.

Так, сделанные в конце 2000-х гг. прогнозы бурного роста потребления газа в регионе вкупе с невозможностью резкого увеличения собственного производства энергоносителей справедливо означали увеличение зависимости от импорта энергоресурсов. Причем наибольшую обеспокоенность вызвали именно газовые поставки, поскольку они характеризуются «наибольшим уровнем политизации энергетики (т. е. приданием энергетическим отношениям, которые являются по своей сути торговыми, политической окраски и их привязкой к вопросам безопасности, текущим политическим кризисам и т. п.)» [Шуранова, Петрунин 2022]. Поставки угля не сильно беспокоят еврократов, ведь уголь, по сути, «приговорен» – к 2030 г. проекты строительства новых электростанций, использующих уголь, получать одобрение не будут; поставки нефти также не проблематичны в силу наличия огромного разнообразия способов ее транспортировки и, соответственно, легкостью поиска поставщиков из разных частей света [Иванов 2017].

В основе реформ газового рынка лежало (субъективное, хотя и формально обоснованное) предположение, что Европа представляет собой рынок покупателя, куда будут стремиться многие поставщики. Поэтому, следуя экономической логике, для них необходимо создать такие условия, при которых никто из крупных поставщиков не мог бы воспользоваться своим доминирующим положением. Для этого надо, с одной стороны, заставить их получать доступ к транспортной инфраструктуре, с другой стороны, усилить конкуренцию между ними, чтобы поставщики сбивали цену и создавали все более и более выгодные предложения для потребителей.

В сфере климатического лидерства акцент был сделан на развитие ВИЭ. Реализация решения о выборе «нового» источника энергии также опиралась на проверенные способы устранения «конкурентов». Как представляется, схема выглядит следующим образом: для ВИЭ создается приоритетный доступ к сетям → если ВИЭ-генерация становилась достаточной,

то существующие электросети «переполнялись», а значит, кому-то приходилось «подвигнуться» – как правило, это касалось газовой генерации → часть электростанций, работающих на газе и угле, пришлось закрыть (физическое сокращение количества электростанций). Большую рыночную нишу для ВИЭ открыла катастрофа на АЭС «Фукусима-1», давшая повод разжечь антиатомную истерию, жертвой которой стали АЭС Германии и некоторых европейских стран. По образному выражению⁹, в ЕС фактически «применяется модель “подсечно-огневой энергетики” (т. е. когда для обеспечения роста одного сектора генерации выжигаются остальные)».

Роль «Энергетического союза» в процессе коммунитаризации

Для любого обывателя термин «Энергетический союз» означает некую организацию, в которую вступают заинтересованные страны для реализации своих интересов в области энергетики. Но в реальности «энергетический союз ЕС» представляет набор действий, ведущих – по замыслу его создателей – к появлению ситуации, обеспечивающей доступ европейских потребителей безопасной, устойчивой, конкурентоспособной и доступной энергией. По сути, это просто «программа», «стратегия», «манифест», «план действий», «дорожная карта» в области энергетической политики. Кстати, подобная маскировка реальности очень модна в Евросоюзе, ведь там создается еще и Банковский союз, Инновационный союз, Союз фондовых рынков и наверняка придумают еще что-нибудь, лишь бы в названии фигурировало слово «союз».

Документ под названием «Стратегия энергетического союза» появился 25 февраля 2015 г. (COM/2015/080) как ключевой приоритет Комиссии Юнкера (2014–2019 гг.).

По замыслу, предполагалось реализовать пять тесно связанных и взаимодополняющих измерений:

- безопасность, солидарность и доверие (цель: диверсификация источников энергии в Европе и обеспечение энергетической безопасности посредством солидарности и сотрудничества между странами ЕС);

⁹ Фролов А. Подсечно-огневая энергетика ЕС // Ведомости. 2021. 10 июня [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2021/10/06/890082-podsechno-ognevaaya> (дата обращения 12 марта 2022).

- полностью интегрированный внутренний энергетический рынок (цель: обеспечение свободного потока энергии через ЕС путем соответствующей инфраструктуры и без технических или нормативных барьеров);
- энергоэффективности (цель: за счет повышения энергоэффективности уменьшить зависимость от импорта энергии, снизить выбросы, а также создать новые рабочие места и обеспечить экономический рост);
- борьба с изменением климата, декарбонизация экономики (цель: сохранение лидерства ЕС в области возобновляемых источников энергии);
- исследования, инновации и конкурентоспособность (цель: поддержка прорывов в низкоуглеродных и экологически чистых энергетических технологиях путем уделения приоритетного внимания исследованиям и инновациям для стимулирования перехода к энергетике и повышения конкурентоспособности).

За шесть лет создания так называемого Энергетического союза европейцам удалось достичь определенных (с точки зрения евробюрократов) успехов. Подробная и классифицированная информация о них содержится у [Юдина 2021]. Хотелось бы добавить к ней несколько штрихов в контексте выделяемого автором процесса коммунитаризации есовской энергетической политики.

Представляется, что евробюрократам за прошедшее с 2015 г. время удалось-таки повысить свою роль в управлении, а заодно продемонстрировать интеграционные успехи ЕС и «отбиться» от обвинений в некомпетентности, которые множились в 2014–2015 гг., как раз в период мигрантского кризиса, воссоединения Крыма с Россией.

Действительно, Еврокомиссия получила множество новых полномочий. В частности:

- полученные в 2012 г. полномочия подвергать анализу заключенные межправсоглашения стран–членов ЕС с третьими странами на предмет их соответствия нормам ЕС в режиме *ex-post* (т. е. уже после их заключения, когда сделать уже мало что можно) с 2016 г. расширены до режима *ex-ante* (т. е. до их заключения);
- ЕК получила право проверки иностранных инвестиций в страны ЕС из третьих стран в важные с точки зрения общеевропейской энергетической безопасности проекты;
- для газовых компаний введена обязанность информировать национальные уполномоченные органы о заключении долгосрочных газовых контрактов, которые могут оказать влияние на безопасность поставок газа (вроде бы ничего особенного, но раньше и этого не было);

- ЕК контролирует достижение все более и более амбициозных целей по энергоэффективности (например, к 2030 г. повысить энергоэффективность на 32,5%, долю возобновляемых источников энергии на 32%, улучшить системы интерконнекторов электроэнергии до 15% и т. п.). Пока устанавливаемые цели являются обязательными только на уровне ЕС, а не национальных государств, но в конечном счете общесовские показатели складываются из национальных.

Кроме того, еврократы озвучили свои намерения в некоторых областях, которые пока еще не стали реальностью (например, возможность ЕС «говорить одним голосом», т. е. выступать полноправным международным актором, выражающим общую позицию ЕС по энергетическим и климатическим вопросам, замена принципа консенсуса на принцип большинства, по крайней мере при внесении налоговых изменений в энергетической сфере и т. п.).

Перспективы коммунитаризации в настоящее время не ясны, в ЕС пока еще имеются скептики как на национальном правительственном уровне, так и среди научной общественности. Вероятно, предстоит еще достаточно острая борьба в рамках традиционного для ЕС противопоставления национального и наднационального подходов.

Литература

- Боровский, Шишкина 2021 – *Боровский Ю.В., Шишкина О.В.* Приоритетные цели энергетической политики ЕС // Современная Европа. 2021. № 3. С. 117–127.
- Велихов 2011 – *Велихов Е.П.* Энергетика в экономике мира XXI века // Труды МФТИ. 2011. Т. 3. № 4. С. 6–15.
- Деденкулов 2015 – *Деденкулов А.В.* Евросоюз: эволюция приоритетов энергетической политики // Современная Европа. 2015. № 1. С. 116–125.
- Дроненко 2004 – *Дроненко Д.М.* Теории организации: Учеб. пособие. / Волгоград. гос. техн. ун-т. Волгоград, 2004. 59 с.
- Иванов 2017 – *Иванов Д.А.* Роль энергетического фактора во взаимодействии Казахстана с Европейским союзом // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2017. Т. 13. № 9. С. 1731–1746.
- Кавешников 2015 – *Кавешников Н.Ю.* «Невозможная триада» энергетической безопасности Европейского союза // Международные процессы. 2015. Т. 13. № 4. С. 74–85.
- Нурматова, Полаева, Голованова 2015 – *Нурматова Э.А., Полаева Г.Б., Голованова А.Е.* Энергетическая политика Европейского Союза в области возобновляемой энергетики // Инновации и инвестиции. 2018. № 11. С. 52–55.
- Старкин, Приписнова, Кривов 2022 – *Старкин С.В., Приписнова Е.С., Кривов С.В.* Вопросы энергетической безопасности во внешней политике США и ЕС: сравнительный анализ // Международные отношения. 2022. № 1. С. 75–89. DOI: 10.7256/2454-0641.2022.1.37120.

- Шуранова, Петрунин 2022 – Шуранова А.А., Петрунин Ю.Ю. Энергетический кризис 2021–2022 гг. в отношениях России и Европейского союза // Государственное управление. Электронный вестник. 2022. Февраль. Вып. 90. С. 74–88.
- Юдина 2021 – Юдина О.Н. Энергетический союз ЕС спустя пять лет: миф или реальность? // Современная Европа. 2021. № 1. С. 190–199.
- Craig et al. 2018 – Craig J., Gerali F., MacAulay F., Sorkhabi R. The history of the European oil and gas industry (1600s–2000s) // Geological Society, London, Special Publications, 21 June 2018. P. 1–24.

References

- Borovskii, Yu.V. and Shishkina, O.V. (2021), “Priority goals of the EU energy policy”, *Contemporary Europe - Sovremennaya Evropa*, no. 3, pp. 117-127.
- Craig, J., Gerali, F., MacAulay, F. and Sorkhabi, R. (2018), *History of the European oil and gas industry*, GSL, Special Publications, London, UK, pp. 1-24.
- Dedenkulov, A.V. (2015), “The European Union. The evolution of the energy policy priorities”, *Contemporary Europe – Sovremennaya Evropa*, no. 1. pp. 116-125.
- Dronenko, D.M. (2004), *Organization Theories. Textbook*, Volgogradskii gos., tekhn. un-t, Volgograd, Russia.
- Ivanov, D.A. (2017), “The role of the energy factor in the interaction of Kazakhstan with the European Union”, *National Interests: Priorities and Security*, vol. 13, no. 9, pp. 1731-1746.
- Kaveshnikov, N.Yu. (2015), “Impossible triad” of the energy security of the European Union, *International Trends*, vol. 13, no. 4, pp. 74-85.
- Nurmatova, E.A., Polaeva, G.B. and Golovanova, A.E. (2018), “Energy policy of the European Union in the field of renewable energy”, *Innovatsii i Investitsii*, no. 11, pp. 52-55.
- Starkin, S.V., Pripisnova, E.S. and Krivov, S.V. (2022), “Issues of Energy Security in the Foreign Policy of the USA and the EU. Comparative Analysis”, *International Relations*, no. 1, pp. 75-89. DOI: 10.7256/2454-0641.2022.1.37120.
- Shuranova, A.A., Petrunin, Yu. (2022), “Energy crisis of 2021–2022. in relations between Russia and the European Union”, *Public administration: E-Journal*, iss. 90.
- Yudina, O.N. (2021), “The EU Energy Union Five Years Later. Myth or Reality?”, *Contemporary Europe – Sovremennaya Evropa*, no. 1. pp. 190-199.
- Velikhov, E.P. (2011), “Energetics in the world economy of the 21st century”, *Trudy MFTI* [Works of the Moscow Institute of Physics and Technology], vol. 3, no. 4, pp. 6-15.

Информация об авторе

Алексей В. Дрыночкин, доктор экономических наук, профессор, МГИМО, Москва, Россия; 119454, Россия, Москва, пр-т Вернадского, д. 76; drinda-hu@yandex.ru

Information about the author

Aleksei V. Drynochkin, Dr. of Sci. (Economics), professor, MGIMO-University, Moscow, Russia; bld. 76, Vernadskii Avenue, Moscow, Russia; 117218; drinda-hu@yandex.ru